

Александр БУРАВСКИЙ: Степ да степ кругом

Известия - 2000 -
27 июля - с. 10

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Россия теперь известна своей мафией — жестокой, циничной, безжалостной. Потом власть и мафия начали объединяться, и страна сразу стала вовсе никому не интересна: она ничего не дает миру, кроме головной боли. Русские газеты в Америке неуклонно увеличивают тиражи — число их читателей растет за счет новых приезжих. И уже не действуют уговоры, что, мол, теперь и в России можно заработать — это не так.

— На фестивале в программе специальных сеансов покажут ваш фильм. Как вы решились поменять перо драматурга на режиссерскую хлопшуку?

— Я еще в Москве был соржиссером моего друга Сергея Бодрова на фильме «Катала». В Америке пробиться намного сложнее: я считаю, что так и не пробился. Здесь режиссура — курорт, там — жестокая работа.

— У героев фильма есть прототипы?

— Полного совпадения нет ни в чем. Хотя в Америке действительно был чернокожий чечеточник, который танцевал степ на протезе. Мой герой тоже теряет ногу. Но в целом это история обобщенная, в ней собраны многие судьбы. Мы все когда-то с удовольствием ездили в Таллин — это для нас был такой западный мир, очень красивый. Там и происходит действие картины. Россия появляется лишь в эпизоде с сибирским лагерем.

— Сюжет напоминает картину Митты «Затерянный в Сибири»?

— Очень немного. Лагерь у нас, повторяю, только эпизод. Это прежде всего любовная история.

— Кто ваши актеры?

— Это не звезды, но они более или менее известны. Мне хотелось, чтобы главную роль играл Кристофер Уокен, он заинтересовался сценарием и дал согласие, но у нас не хватило на него денег. И роль сыграл Кит Кэррадин, ко-

торый снимался в «Любовниках Марин» у Кончаловского, а известен стал после фильма Олтмена «М*А*S*Н». Снимался отличный телевизионный актер — я его очень любил — Джадд Хирш. Снималась актриса Мерседес Руэл — она получила «Оскара» за смешную роль в фильме «Король-рыбак».

— Где снимали?

— В Эстонии. И четыре дня в Питере. Результат является предметом моей гордости и боли: в Питере снимать в принципе невозможно, а мы сделали и вовсе невымыслимое — сняли там Америку, да еще разных лет. Но это стоило столько денег и крови, что лучше бы мы и не начинали.

— В Америке у фильма есть прокат?

— Да, он вышел в кинотеатрах, и это даже удивительно: актеры главным образом телевизионные и такие картины обычно идут по кабельным сетям.

— Что насчет следующей работы?

— Читаю множество сценариев.

— Вы, драматург, ищете чужие сценарии?!

— Увы, моего английского не хватает, чтобы написать полноценный сценарий. Для этого нужна тамоящая ментальность.

— Во времена перестройки вы разделяли общую романтическую веру. Что от нее осталось?

— Ничего. Да я и тогда уже кое-что заподозрил и написал пьесу «Второй год свободы» о Французской революции, где все кончалось не слишком хорошо. Так и в постперестроечной России — множество светлых людей куда-то канули, пришли совсем другие.

— В США вы продолжали писать пьесы?

— Да, и их ставили. И в Америке, и здесь — в России. Например, комедия, которая в Америке называлась «Красная гадалка», а здесь вышла под названием «А нет ли у вас другого глобуса?».

— Вы писали театральную публицистику — теперь переключились на бытовые комедии и мелодрамы?

— Я хотел бы и публицистику писать, точнее, политические драмы — они мне интересны. Поэтому и хочу поработать в России — сделать что-нибудь для души. Там для души не получается. Там нужно писать развлекательные голливудские истории.

— Вы чувствуете какие-то потери? В связи с этим вашим переездом.

— Огромные. Здесь было множество друзей, с которыми мне интересно. Там только со временем с большим трудом находишь одного-двух близких по духу людей. И все равно это люди другой культуры.

— А здесь круг друзей уже распался?

— Не распался, но я от них отстал: они пережили то, чего я не знаю. Одна моя хорошая знакомая снималась в «Останкино», когда атаковали телецентр. Они там под грохот выстрелов смиренно сидели в студии и тихонько попили коньяк — бутылочка на двадцать человек. А у друга прострелили холодильник — он жил рядом с мэрией. Вечная война ожесточает, люди устали. Но мне кажется, что в последнее время наметились перемены к лучшему. Лет пять назад в кругу интеллигенции вдруг стал модным блатной жаргон, и было это не к добру. Теперь, кажется, эта мода прошла... Было время, мы все жили надеждой, что все у нас будет хорошо. Теперь надежды сузились до чисто прагматических: закончу пьесу, достану денег и сниму фильм. При этом четко просчитываю, сколько денег смогу достать, а сколько уже выше моих сил. А веры во всемирное счастье больше нет. Ведь и я меняюсь. При одной мысли о Париже когда-то заходило сердце. Теперь я приехал в Париж в двадцать восьмой раз — и не заходит.

Валерий КИЧИН